

ПЯТЫЙ ЭПИЗОД РОМАНА ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА «УЛИСС» В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ 1930-х гг.

Впервые исследуется специфика перевода романа Джеймса Джойса «Улисс», осуществленного в 1930-х гг. коллективом Первого переводческого объединения под руководством И.А. Кашкина. Материалом анализа является пятый эпизод романа «Улисс» в переводе «кашкинцев» в аспекте его соответствия сложному замыслу автора, разъясненному им в специальных схемах романа: в основе пятого эпизода романа «Улисс» – IX глава «Одиссеи» Гомера «Лотофаги»; также эпизод определяется такими смысловыми доминантами, как ботаника, химия, евхаристия.

Ключевые слова: Дж. Джойс; роман «Улисс»; перевод; И.А. Кашкин.

Роман Джеймса Джойса «Улисс», опубликованный в Париже в 1922 г., состоит из восемнадцати эпизодов, каждый из которых восходит к определенному эпизоду «Одиссеи» Гомера. Работая над романом, Джойс составил две его схемы. Первая была сделана еще до окончания работы над романом, вторая – одновременно с окончанием романа. В своем письме от 21 сентября 1920 г. Джойс пишет следующее: «As to Mr. Dessy's suggestion I think that in view of the enormous bulk and the more than enormous complexity of my damned monster-novel it would be better to send him a sort of summary – key – skeleton – scheme (for home use only) <...> It is the epic of two races (Israel – Ireland) and <...> the cycle of the human body as well as a little story of a day (life)» – «Что касается предложения м-ра Дэсси, я думаю, что, ввиду большого объема и еще большей сложности моего проклятого романа-монстра, было бы неплохо отправить ему что-то вроде конспекта – ключа – наброска – схемы (только для личного пользования) <...>. Это эпическая поэма о двух народах (Израиль – Ирландия) и <...> цикл человеческого тела, а также описание дня (жизни)» (перевод мой. – С.С.) [1. С. 271]. Это письмо Джойса было адресовано Карло Линати, другу и переводчику его пьесы «Изгнанники» на итальянский язык. Поэтому данную первую схему, составленную приблизительно в 1920 г., называют схемой Линати. Согласно М.П. Джиллеспи и А.Н. Фаргноли, вторая схема была вручена Джойсом Валери Ларбо в 1921 г. для подготовки публичной лекции о романе «Улисс». На протяжении 1920-х гг. данная схема распространялась среди самых близких друзей Джойса. Валери Ларбо, вместе с Огюстом Морелем и Стюартом Гилбертом, принял активное участие во французском переводе «Улисса», опубликованном в 1929 г. [2. С. 280]. М.П. Джиллеспи и А.Н. Фаргноли также указывают на то, что участие Стюарта Гилберта в переводе «Улисса» подтолкнуло его к написанию специального исследования романа, которое создавалось под руководством самого Джойса. В 1930 г. Стюарт Гилберт опубликовал книгу «James Joyce's Ulysses», в которой предлагался анализ каждого эпизода романа, и в ней была подчеркнута важность использования поэмы Гомера в качестве структурного каркаса романа «Улисс» [2. С. 280]. Эдмунд Уилсон в своем труде «James Joyce» также утверждает, что значение персонажей и эпизодов в романе «Улисс» не может быть понято надлежащим образом без опоры на Гомера [3]. Седрик Уоттс во введении к изданию «Улисса» на английском языке подчеркивает, что Джойс созданными им схемами сознательно помогает прояснить смысл событий романа, указывая, что каждый его эпизод имеет не только четкое

соотношение с Гомером, но определяется также и специальными смысловыми доминантами: это фиксированное место и время действия, орган человеческого тела, вид науки или искусства, цвет, символ и пр. [4].

В 1935–1936 гг. в журнале «Интернациональная литература» (Москва) были опубликованы первые десять эпизодов «Улисса». Их перевод был осуществлен Первым переводческим объединением И.А. Кашкина, куда входили такие известные мастера слова, как И. Романович, Л. Кислова, А. Елонская, В. Топер, Н. Волжина, Е. Калашникова, Н. Дарузес, О. Холмская. (В 1937 г. работа над переводом романа была остановлена.) Перевод «Улисса», выполненный «кашкинцами», представляет особый научный интерес, поскольку это была первая попытка целостного перевода романа на русский язык, осуществленная непосредственно в эпоху его создания, в эпоху Джеймса Джойса, т.е. в эпоху, известную таким направлением в искусстве и литературе, как модернизм. Эстетической установкой модернизма был разрыв с предшествующим историческим опытом, а целью его было утверждение новых начал в искусстве, которые выражались, в том числе, в структурных и лингвистических экспериментах. Таким образом, перед первыми переводчиками «Улисса» стояла трудная задача – работа со сверхсложным произведением модернизма. В переводческой деятельности 1930–1940-х гг. наблюдались два противоположных подхода: буквальный и творческий. Для буквального подхода было важно соблюдение всех элементов формы оригинала, для творческого направления – воссоздание образа оригинала [5]. Определить направление, в котором «кашкинцы» работали над переводом, представляется предельно важным, в том числе для воссоздания целостной картины развития перевода и переводоведения в России XX в. Но несмотря на это, перевод романа «Улисс» творческой группой И.А. Кашкина до сих пор не был предметом специального изучения.

Пятый эпизод занимает особое место в романе «Улисс», так как Улисс – это Блум. Первая часть романа (первые три эпизода) «Телемахида» посвящена Телемаху, т.е. Стивену Дедалусу. Вторая часть романа «Странствия Улисса» начинается четвертым эпизодом «Калипсо», в центре которого – жена Блума Молли. Она собирается сегодня, т.е. 16 июня 1904 г., изменить мужу, Блум знает о предстоящей измене и стремится поскорее уйти из дома. Поэтому впервые полностью Блум-Улисс, заглавный герой романа Джойса, раскрывается перед читателем только в пятом эпизоде.

Цель данной работы – анализ перевода пятого эпизода романа «Улисс», выполненного В.М. Топер, в аспекте его соответствия замыслу Джойса, разъясненно-му им в своих схемах романа: в основе пятого эпизода романа «Улисс» лежит IX глава «Одиссеи» Гомера «Лотофаги»; также пятый эпизод определяется такими смысловыми доминантами, как ботаника и химия; символ эпизода – евхаристия.

Неформальное название пятого эпизода романа – «Lotus Eaters» («пожиратели лотоса»). В мифологии лотофаги – жители острова в Ливии, известные как любители (пожиратели) лотоса. Считалось, что всякий, вкушивший лотоса, забывал о настоящем, о своей родине и навсегда оставался на этом острове. Лотос оказывал на человека наркотическое действие [6. С. 72]. В романе Джойса Гомеров план используется аллегорически. Время действия эпизода – десять часов утра. Место действия – улицы Дублина. Эпизод начинается с бесцельных скитаний Блума по улицам Дублина. Соответствуя неформальному названию главы, он вяло передвигается по городу в ожидании похорон Пэдди Дигнема, не занимаясь ничем особенным. Во время своей бесцельной прогулки Блум заходит на почту получить любовное послание, затем в поисках прохлады забредает в церковь, заглядывает в аптеку, делая заказ для жены, покупает мыло и, наконец, направляется в баню. Согласно одной из схем баня является местом действия данного эпизода, но Блум так до нее и не доходит. Опора на «Лотофагов» нужна для того, чтобы показать Блума как человека, который не спешит действовать. Джойс сделал Блума евреем, живущим среди ирландцев, т.е. выделил и обособил его. Блumu изменяет жена, он чувствует дискомфорт, усталость и одиночество. Весь эпизод говорит о желании Блума убежать от действительности, уйти в себя, в свое собственное сознание от внешнего мира, который ему противопоставлен. Отсутствующее в эпизоде действие ярко раскрывает именно внутреннюю жизнь героя. Тот факт, что в пятом эпизоде ничего не происходит, и является «моментом истины» – это и есть суть действия: задача этой главы – подчеркнуть значимость праздности и состояния «вкушения лотоса». Последнее равнозначно забвению и эскапизму, т.е. уходу от действительности.

Спокойствие, медлительность и сосредоточенность Блума проявляются в первых же строках эпизода: «Mr Bloom walked soberly, past Windmill lane» [7. С. 62]. Дословно: М-р Блум прошел спокойно мимо Виндмилл-лейн. Перевод В.М. Топер: «М-р Блум спокойно прошел мимо Виндмилл-лейн» [8. С. 340]. Слово «soberly» имеет следующие значения: «трезво», «умеренно», «спокойно», поэтому можно утверждать, что перевод передает основную суть фрагмента – размеренность и неторопливость. В утренние часы для города характерны разнообразные шумы, но Блум уходит от них: «He turned from the morning noises of the quayside» [7. С. 62]. Дословно: Он отвернулся от утренних шумов на пристани. «Он отвернулся от утренних шумов набережной» [8. С. 340]. Смысл существительных «пристань» и «набережная» немного различается, тем не менее, присутствует главное – указание на шумы, менее важно, откуда они исходят. Далее внимание Блума концентрируется на мальчике, который курит в ожида-

нии отца у пивной. «Tell him if he smokes he won't grow. O let him!» [7. С. 62]. Дословно: Скажи ему, что если он будет курить, он не вырастет. Оставь его! «Сказать ему, что, если он будет курить, он перестанет расти. Бог с ним!» [8. С. 340]. «O let him!» можно перевести как «оставь его» или «пусть», но Топер прибегает к поискам русского эквивалента «Бог с ним!», что можно назвать проявлением творческого подхода к переводу. Блум неактивен и медлителен, окружающие его люди ведут себя таким же образом. В неформальном названии эпизода используется множественное число – «Lotus Eaters» («пожиратели лотоса»). Это значит, что не только Блум подвержен состоянию «вкушения лотоса», но и другие персонажи, появляющиеся в пятом эпизоде. В пивной мало посетителей, утренние часы в таком заведении малоактивны: «Slack hour: won't be many there» [7. С. 62]. Дословно: Неактивный час: там будут немногие. «Мертвый час, наверное, там народу будет немного» [8. С. 340]. Словосочетание «мертвый час» является эквивалентом «slack hour», но не его буквальным переводом. «Slack» означает: 1) «вялый», «неактивный», «неэнергичный»; 2) «несильный», «слабый». «Мертвый час» содержит в себе следующие значения: «отдых», «тихий час», т.е. время послеобеденного отдыха, «сиесты», которая является общей традицией некоторых стран, особенно с жарким климатом. Перевод Топер несет в себе соответствующее смыслу эпизода состояние сна и вялости. Блум заходит на почту, но там тоже пусто: «Post here. No-one. In» [7. С. 63]. Дословно: Почта здесь. Никого. Внутрь. «Почта здесь. Никого. Войти» [8. С. 340]. Предлог «in» может означать следующее: «в», «внутри», «внутри», «расположенный внутри», «направленный внутрь». Использование здесь любого из предложенных вариантов не будет соответствовать нормам русского языка, но в данном случае этот предлог означает движение внутрь, поэтому его перевод «войти», сделанный Топер, точно передает смысл данного предложения.

Наркотическое состояние, показанное через бездействие и лень персонажей, а также жару, которая ослабляет человека, выражено в следующих строках: «Not doing a hand's turn all day. Sleep six months out of twelve. Too hot to quarrel. Influence of the climate. Lethargy. <...> Sleeping sickness in the air» [7. С. 63]. Дословно: Весь день и пальцем не пошевелишь. Спят шесть месяцев из двенадцати. Слишком жарко, чтобы ссориться. Влияние климата. Летаргия. <...> Сонная болезнь в воздухе. «За весь день пальцем не пошевелишь. Спят шесть месяцев в году. Такая жара, что не хочется ссориться. Влияние климата. Летаргия. <...> В воздухе сонная болезнь» [8. С. 340–341]. Перевод фразы «Not doing a hand's turn all day» – «За весь день пальцем не пошевелишь» нельзя назвать буквальным, это устойчивое выражение. «Шесть месяцев в году» вместо «шести месяцев из двенадцати» может свидетельствовать о творческом подходе к переводу. Ключевое слово в указанных выше предложениях – «летаргия», известное как болезненное состояние, похожее на сон и характеризующееся неподвижностью (гр. *lethargia*, *lethe* – забвение и *argia* – бездействие) [9].

У Гомера летаргическое состояние вызывал цветок лотоса, поэтому у Джойса в пятом эпизоде закономер-

но формируются такие смысловые доминанты, как ботаника и химия. Ботаника, или цветочная тема, появляется уже в описании маленького мальчика, ожидающего отца у пивной, о нем шла речь выше. Его тяжелая судьба передается следующими словами: «His life isn't such a bed of roses!» [7. С. 62]. Дословно: Его жизнь – не постель из роз. «Ему тоже не очень сладко живется» [8. С. 340]. В этом предложении впервые упоминаются цветы, постель из роз. «His life isn't such a bed of roses» является фразеологизмом, и в переводе «цветочная» доминанта в данном фрагменте утрачена: «Ему тоже не очень сладко живется». Но на самом деле смысловая доминанта цветов и ботаники появляется в тексте эпизода еще раньше: это фамилия главного героя эпизода мистера Блума, «Bloom» – «цветение», «цвет». Кроме этого, Блум подписывает любовное послание Марте, от которой получает ответ в этом эпизоде, «Henry Flower», «Flower» означает «цветок». В русском переводе подпись героя, так же как и его фамилия, специально не переводятся, что также отчасти умаляет представленность в нем данной смысловой доминанты. Фрагментов, развивающих тему цветов и ботаники, в эпизоде очень много, см., например: «big lazy leaves» [7. С. 63] – «большие ленивые листья» [8. С. 340], «Flowers of idleness» [7. С. 63] – «Цветы безделья» [8. С. 341] и т.д. Далее в тексте следует длинное предложение, в котором назван целый ряд цветов: «Angry tulips with you darling manflower punish your cactus if you don't please poor forgetmenot how I love violets to dear roses when we soon anemone meet all naughty nightstalk wife Martha's perfume» [7. С. 69]. Дословно: Сердитые тюльпаны с тобой дорогая цветок человека наказать твой кактус если ты не порадуешь бедную незабудку как я люблю фиалки дорогим розам когда мы скоро анемон встретим все непослушные ночные стебли жена духи Марты. «Сердита тюльпан на тебя душка мужецвет накажу тебя кактус если ты не пожалуйста бедный незабудка как я жажду фиалка дорогой роза когда мы скоро анемон увидимся все гадкий белладонна жена Марты духи» [8. С. 347]. Это предложение – анализ любовного послания, своеобразная переработка содержания письма утомленным жарой Блумом, становится синтезом цветочной темы эпизода. Рассмотрим перевод названий цветов: «tulips» (мн. ч.) – «тюльпан» (ед. ч.), разница заключается только в числе; «manflower» – «мужецвет», ни в английском, ни в русском языках цветка с подобным названием нет, тем не менее, это слово продолжает цветочную тему благодаря такой его части, как «flower» – «цветок»; «cactus» – «кактус»; «forgetmenot» – такой цветок существует, но пишется иначе: «forget-me-not» – «незабудка». Следующие три цветка, «фиалка», «роза» и «анемон», соответствуют оригиналу, но последний из них, «anemone», в английском языке имеет дополнительное значение: ветреница или кокетливая женщина. В русской версии перевод названия цветка не может содержать это дополнительное значение. Последнее название цветка «nightstalk» вызывает затруднения, в рассматриваемом нами переводе это «белладонна». В оригинале это, скорее всего, даже не цветок, а его имитация. Трудно сказать, что имел в виду автор, но слово «nightstalk» можно разложить на следующие части: «nights talk» как «ночной

разговор» и «night stalk», где последнее слово означает «стебель, ножка, черенок». Таким образом, слово «nightstalk» имеет некоторое отношение к цветочному мотиву, тем более что слово «белладонна» в одном из своих значений при переводе на английский язык содержит близкий элемент, «night» – «deadly nightshade». Кроме этого, одним из синонимов белладонны в русском языке является сонная одурь. Следовательно, выбор белладонны переводчиком был основан на содержании эпизода, он точно передает основную идею, заложенную автором в данной главе. С нашей точки зрения, перевод данного предложения представляет собой яркий пример творческого подхода.

Когда Блум заходит в аптеку, его одолевают разнообразные мысли, связанные с химией, и здесь вновь актуализируется основной лейтмотив «Лотофагов» – забвение: «Drugs age you after mental excitement. Lethargy then. <...> A lifetime in a night» [7. С. 74]. Дословно: Наркотики старят вас после психического возбуждения. Потом летаргия. <...> Вся жизнь за одну ночь. «От наркотиков сначала возбуждаешься, потом старишься. Потом летаргия. <...> Целая жизнь за одну ночь» [8. С. 352]. Забвение, которое может быть вызвано настойкой опия – «laudanum», т.е. химическим препаратом: «Overdose of laudanum. Sleeping draughts» [7. С. 75]. Дословно: Передозировка настойкой опия. Усыпляющие дозы жидкого лекарства. «Слишком сильная доза опия. Усыпительные средства» [8. С. 353]. А также: «Cigar has a cooling effect. Narcotic» [7. С. 69]. Дословно: Сигара имеет успокаивающий эффект. Наркотик. «Сигара действует успокоительно. Наркотик» [8. С. 347]. Как видно из предложенных примеров, Топер творчески подходит к переводу: существительное «draughts» может иметь много значений даже в данном контексте, это «глоток», «вытяжка», «доза жидкого лекарства», «порция», «впитывание». Переводчик, исходя из контекста, предлагает свой вариант, который соответствует темам аптеки и химии, – «средства». Глагол «has» – «имеет» – заменен на глагол «действует», что вызывает изменения в предложении в целом, т.е. словосочетание «a cooling effect» – «успокаивающий эффект» – в русском переводе теряет существительное «effect» – «эффект», «действие», прилагательное «cooling» – «успокаивающий» – заменяется наречием «успокоительно». Подобные трансформации, вызывающие изменения структуры предложения в тексте перевода, свидетельствуют о творческом подходе. Таким образом, смысловые доминанты эпизода – ботаника и химия, подчиненные проблематике «лотофагов», создающие образ уставшего Блума, стремящегося убежать от реальности и забыться, адекватно представлены в русском переводе.

Устав от прогулки и от жары, Блум заходит в церковь. Джойс показывает, что Блума церковь привлекала как прохладное место, его влечет запах холодного камня. Здесь актуализируется символ эпизода – евхаристия. В христианской церкви евхаристия есть таинство, иначе называемое таинством причащения. Таинство евхаристии было установлено Иисусом Христом на Тайной вечере. По христианскому канону при совершении таинства евхаристии хлеб и вино пресуществляются в плоть и кровь Иисуса Христа, и с их

помощью совершается причастие верующего христианина. Блум попадает в церковь во время таинства причастия и наблюдает за происходящим со стороны. Далее речь идет о хлебе как Теле Христовом: «Look at them. Now I bet it makes them feel happy. Lollipop. It does. Yes, bread of angels it's called <...> Hoky poky penny a lump. Then feel all like one family party, same in the theatre, all in the same swim» [7. С. 71–72]. Дословно: Посмотрите на них. Держу пари, это позволяет им чувствовать себя счастливыми. Леденец. Точно. Да, это называется хлебом ангелов. <...> Хоки-поки, пенни за кусок / штуку. Потом чувствуют себя как одна семья, то же самое в театре, все в одной лодке. «Поглядите-ка на них. Держу пари, что они сейчас счастливы. Леденец. Факт. Ну да, так и называется – ангельский хлеб. <...> Мороженое, пенни за порцию. Чувствуют себя членами одной семьи, как в театре, общий восторг» [8. С. 349]. Хлеб для причастия сравнивается с леденцом и мороженым, которые вызывают ощущение счастья и радости у детей. Русское слово «леденец» соответствует английскому «lollipop», но слово «мороженое» не является прямым переводом английского слова «Hoky poky». «Hoky poky penny a lump» – слова из песни, которую предложили написать Эл Табору, британскому руководителю джаз-оркестра 1920–1940-х гг. Эти слова он слышал еще ребенком от продавца мороженого, который рекламировал свой товар: «Hokey pokey penny a lump. Have a lick make you jump». Хоки-Поки пенни за штуку. Лизнете чуток, запрыгаете от радости (перевод мой. – С.С.) [10]. Если принять во внимание историю слова «Hoky poky» и учесть, что словосочетание «hokey pokey» означает дешевое мороженое, то можно отметить, что его перевод соответствует оригиналу. Но есть еще дополнительный смысл, который заключается в следующем: «hokey-pokey» Блума связан также с отсылкой к когда-то популярному персонажу пантомимы (название которого, без сомнения, произведено от «hocus focus» – «фокус-покус») и с шарлатанством в целом. Все это выявляет отношение Блума к таинству причастия [11]. И в таком случае перевод предложения «Hoky poky penny a lump» как «Мороженое, пенни за порцию» не передает глубинных смыслов эпизода, определяемых проблематикой евхаристии.

Участие в совместном церковном ритуале может привести к единению, к общим чувствам радости или печали: «Then feel all like one family party, same in the

theatre, all in the same swim» – «Чувствуют себя членами одной семьи, как в театре, общий восторг». «One family party» – одна команда, одна компания или группа, поэтому перевод «члены одной семьи» следует оригиналу; «same in the theatre» – то же самое происходит и в театре – единение зрителей, испытывающих общие эмоции. Русская фраза «как в театре», взятая сама по себе, может иметь разные значения. Но, взятая в общем контексте, она передает нужный смысл – единение и общность. «All in the same swim» является инвариантом «all in the same boat». Последнее представляет собой английскую идиому, означающую, что все, о ком идет речь, имеют одну и ту же проблему или находятся в одинаково тяжелом положении. В рамках отдельного предложения или абзаца можно было бы сказать, что значение английской идиомы, завуалированной Джойсом, переводчик не передал. Но осмелимся предположить, что «общий восторг» не является переводом последней фразы предложения «all in the same swim». Скорее, здесь передано общее содержание всего эпизода, восходящего к «Лотофагам»: причастие в восприятии Блума также несет людям забвение. В связи с этим уместно вспомнить известное высказывание К. Маркса: «Религия есть опиум народа» [12. С. 415]. Об этом же пишет и Джойс. Блум видит старика, спящего у исповедальни: «Blind faith. Safe in the arms of kingdom come. Lulls all pain. Wake this time next year» [7. С. 63]. Слепая вера. Невредимым в руки грядущего царства. Успокоить всю боль. Разбудите в это время в следующем году. «Слепая вера. Я в царство Божие войду. Усыпляет все страдания. Разбудите меня в будущем году, в это же время» [8. С. 349]. «Safe in the arms of kingdom come» – «Я в царство Божие войду»; данный перевод демонстрирует еще один пример творческого поиска русского соответствия.

Таким образом, анализ перевода позволяет утверждать, что В.М. Топер отдавала предпочтение творческому переводу, который был характерен для всей группы переводчиков И.А. Кашкина, поэтому в русскоязычной версии не были переданы все детали и нюансы оригинального текста. Однако, с другой стороны, именно благодаря творческому подходу к процессу перевода В.М. Топер в целом удалось воспроизвести основную проблематику пятого эпизода романа «Улисс», восходящего к IX главе «Одиссеи» Гомера «Лотофаги», определяющегося такими смысловыми доминантами, как ботаника и химия, и несущего в себе символ евхаристии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Selected letters of James Joyce* / Richard Ellmann. L. : Faber and Faber, 1975. 440 p.
2. Gillespie Michael Patrick, Fargnoli A. Nicholas. Critical companion to James Joyce: A literary reference to his life and work. N.Y. : Infobase Publishing, 2006. 450 p.
3. Wilson Edmund. James Joyce // *Literary opinion in America*. N.Y. : Evanston, 1962. Vol. I. P. 183–206.
4. Watts Cedric. Introduction // James Joyce. *Ulysses*. Wordsworth Editions Limited, 2010. P. V–XLIX.
5. Топер П.М. Перевод художественный // *Краткая литературная энциклопедия* / ред. А.А. Сурков. М. : Советская энциклопедия. 1968. Т. 5. С. 656–665.
6. *Мифы народов мира* : в 2 т. М., 1991–1992. Т. 2.
7. James Joyce. *Ulysses*. Wordsworth Editions Limited, 2010. 682 p.
8. Джеймс Джойс. Избранное. М. : Радуга, 2000. 624 с.
9. *Летаргия* // Большая Советская Энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/article069915.html>
10. Forte Edmund. Hokey Pokey and all that: The history of ice cream. URL: <http://www.edmundforte.co.uk>
11. Hoky poky // James Joyce. Online notes. URL: <http://www.jjon.org/joyce-s-environs/hoky-poky>
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1955. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 октября 2012 г.